

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)

Оригинальная статья / Original paper

В.В. Хутарев-Гарнишевский

*Московский государственный институт культуры,
г. Химки, Российская Федерация
E-mail: w.butarew@gmail.com*

Жизнь, работа и невероятные приключения секретного сотрудника Гуйтова в революционной России

Аннотация

Статья посвящена практике агентурной работы и взаимоотношениям осведомителей и кураторов через призму деятельности секретного сотрудника Александра Ивановича Гуйтова. Объект исследования выбран в силу наличия хорошо сохранившегося комплекса архивных источников, агентурных донесений, личного дела, следственных материалов, делопроизводственной переписки. Мы можем проследить его биографию не только в дореволюционный период сотрудничества с Петербургским охранным отделением, Кронштадтским жандармским управлением и иными органами политического сыска, но и в период революции 1917 г. и Гражданской войны. В статье демонстрируются практические методы работы политического сыска с секретной агентурой, зачастую отличные от требований, предъявлявшихся руководящими документами и инструкциями. Анализируются причины провалов осведомителей. Оказавшись одним из наиболее эффективных секретных сотрудников на флоте Балтийского моря, Гуйтов смог сделать и выдающуюся карьеру в революционных органах власти Кронштадта, войдя в руководство местного совета. Бывший агент полиции не только не прятался от революционеров, но проявил инициативу и освободил из тюремного заключения своих бывших кураторов по политическому сыску. Случай

Гуйтова интересен и тем, что он был единственным известным нам осведомителем жандармерии, который сделал карьеру в разведке Белого движения, заняв штатную офицерскую должность начальника разведывательного пункта Вооруженных сил Юга России. Биографический метод исследования избран для того, чтобы на примере конкретного человека изучить такие исторические проблемы, как способы вербовки, курирования, прикрытия секретных сотрудников, причины их провалов, сложности выбора поведенческих стратегий после падения Российской империи.

Ключевые слова:

А.И. Гуйтов; В.В. Владимиров; политический сыск; секретная агентура; Кронштадт; жандармерия; Февральская революция; Гражданская война в России; Вооруженные силы Юга России; контрразведка

Для цитирования:

Хутарев-Гарнишевский В.В. Жизнь, работа и невероятные приключения секретного сотрудника Гуйтова в революционной России. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 312–359. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation

E-mail: w.hutarew@gmail.com

The Life, Work, and Extraordinary Adventures of the Secret Agent Guytov in Revolutionary Russia

Abstract

This article examines the practices of undercover intelligence work and the relationships between informants and their handlers through the career

of the secret agent Aleksander I. Guytov. The subject was selected because of the exceptional survival of a comprehensive body of archival materials, including intelligence reports, the agent's personal file, investigative records, and official correspondence. These sources make it possible to reconstruct Guytov's biography not only during his pre-revolutionary collaboration with the St. Petersburg Security Section, the Kronstadt Gendarmerie Administration, and other organs of the political police, but also throughout the Revolution of 1917 and the Russian Civil War. The article demonstrates the practical methods by which the political police managed their secret agents, methods that often differed substantially from those prescribed in official regulations and instructions. It also analyzes the causes of informants' operational failures. Having become one of the most effective secret agents operating within the Baltic Fleet, Guytov subsequently built a remarkable career within the revolutionary authorities of Kronstadt, eventually joining the leadership of the local Soviet. Rather than concealing his previous association with the political police, the former informant took the extraordinary step of securing the release of his former handlers from prison after the Revolution. Guytov's case is particularly noteworthy because he appears to have been the only known gendarmerie informant who later pursued a successful career in the intelligence service of the White movement, serving as the head of an intelligence post within the Armed Forces of South Russia. Employing a biographical approach, the article uses the experience of a single individual to explore broader historical questions, including methods of recruiting, supervising, and protecting secret agents, the causes of their operational failures, and the difficult choices they faced following the collapse of the Russian Empire.

Keywords:

A.I. Guytov; V.V. Vladimirov; Political surveillance; Secret agents; Kronstadt; Gendarmerie; February Revolution; Russian Civil War; Armed Forces of South Russia; Counterintelligence

For citation:

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky. The Life, Work, and Extraordinary Adventures of the Secret Agent Guytov in Revolutionary Russia. The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 312–359. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)

секретные сотрудники полиции, они же информаторы, они же провокаторы, были опорой всей розыскной работы политического сыска, наряду с перлюстраторами писем на почтамтах, филерами и системой бертильонажа. Работу агентуры сложно недооценить. Именно на основании ее донесений офицеры спецслужб вели как дознавательную, так и аналитическую работу: расследовали конкретные политические преступления и давали общую оценку общественным настроениям, определяли стратегию борьбы с революционным движением и легальной оппозицией. При этом, как ни странно, сами личности секретных сотрудников несправедливо обделены вниманием историков. Читатель возразит: а как же Азеф, про которого написаны несколько книг и десятки статей и которого знают даже школьники? Азеф — это, увы, то самое исключение, которое только подтверждает правило. Кроме исследователей революционного движения и политической полиции, вряд ли даже профессиональные историки знают много имен сексотов. Вспомнят, конечно, того же Евно Азефа, Романа Малиновского, Зинаиду Жученко-Гернгросс, но не более. Мы даже не можем назвать точное количество секретных сотрудников, работавших в охранных отделениях и жандармских управлениях: существуют сложно преодолимые методологические проблемы работы с источниками по агентуре.

Изучая деятельность секретных сотрудников, обоснованно можно применить биографический подход. Он позволяет изучить не только практику агентурной работы (зачастую расходившуюся с теорией, изложенной в соответствующих инструкциях Департамента полиции МВД), но и увидеть морально-нравственные императивы сотрудников, раскрыть их поведенческие стратегии. Последние представляют особенный научный интерес в контексте событий революции 1917 г. и Гражданской войны в России, когда перед бывшими осведомителями нависла угроза разоблачения. Они были вынуждены сделать экзистенциальный выбор: спасая свою жизнь и свободу, скрыться от репрессий революционных властей, перейти на сторону контрреволюционных сил или, наоборот, поступить на службу новым властям. Некоторые бывшие секретные сотрудники, привыкшие вести двойную жизнь и двойную игру, выбирали одновременно все три варианта своей судьбы.

Один из таких агентов, Александр Иванович Гуйтов, и находится в исследовательском фокусе статьи. До революции он 10 лет подряд работал секретным сотрудником жандармерии и охранки в Санкт-Петербурге, Баку, Тифлисе, Лондоне и Кронштадте, сдал жандармам несколько десятков своих коллег по революционной борьбе. Жил под семью фамилия-

ми и кличками, имел несколько подлинных паспортов на разные имена. После революции вошел в руководство Кронштадтского совета и в следственную комиссию, расследовавшую «преступления» чинов царской полиции, допрашивал и добился освобождения своих бывших кураторов по Кронштадтскому жандармскому управлению. Пытался сделать революционную карьеру, потом бежать из Кронштадта, но был раскрыт и арестован революционными властями. Довольно нагло, учитывая его положение предателя товарищей по революции, вел себя на следствии. Гуйтов чудом смог уйти от ответственности, бежал на Юг России, где служил чиновником в контрразведке Добровольческой армии, добился высокой оценки начальства и, наконец, возглавил одно из разведывательных отделений ВСЮР.

Деятельность Гуйтова уже попадала в орбиту научных исследований. Сведения о нем были приведены автором данной статьи в контексте изучения работы его куратора в политическом сыске подполковника В.В. Владимирова¹. Подробный разбор обстоятельств его ареста в 1917 г. привел петербургский исследователь истории Кронштадтского совета П.Н. Гордеев². Кратко упоминает Гуйтова в связи с событиями Гражданской войны в России историк отечественных спецслужб Н.С. Кирмель³. Однако ему до сих пор не посвящено полноценного научного исследования. Возможно, это связано с тем, что некоторую сложность в изучении работы политического сыска в Кронштадте и на Балтийском флоте представляет низкая сохранность архива самого Кронштадтского жандармского управления. В фонде этого учреждения, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (Ф. 2087), хранится всего лишь 21 дело. По сути, архив этого жандармского управления был утерян либо уничтожен. Поэтому в основе источниковой базы нашего исследования лежат материалы Государственного архива РФ и Российского государственного военного архива.

Во всех доступных источниках указано, что Александр Иванович Гуйтов происходил из мещан города Новоржева Псковской губернии. Мы не проводили специального генеалогического исследования, одна-

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М.: «Историческая память», Родина, 2019. С. 34–36, 279.

² Гордеев П.Н. Кронштадт и кронштадтцы в 1917 году. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. С. 91–98.

³ Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Монография. М.: Кучково поле, 2008. С. 158.

Здание Санкт-Петербургского градоначальства.
Помещение охранного отделения. *Открытка 1896 г.*
Из открытых источников

ко по открытым источникам ясно, что семья эта относилась к среднему классу городского населения и имела некоторые средства. На первых допросах, проводимых членами Исполкома Кронштадтского совета в апреле 1917 г., Гуйтов, пытаясь объяснить наличие у него большого количества свободных денег, сообщил некоторые сведения о материальном положении своей семьи. Сначала он представился сыном богатых родителей, владевших якобы 600 десятинами земли, а на втором допросе пояснил, что жил на средства, полученные от деда, вследствие его отказа от наследства⁴.

В 1840-е гг. Гуйтовы были небогатыми купцами в Кудеверской волости Новоржевского уезда Псковской губернии. В деревне Дорожково имели собственный дом с лавкой мелочного торго с доходностью 5 руб. Главой семьи был купец Иван Николаевич Гуйтов. В середине 1850-х гг. он перебирается в город, где приобретает дом, однако выходит из купеческого сословия в мещане. В Псковском архиве сохранилось дело о незаконном сожителстве мещан Ивана Гуйтова и Александры Пастуховской⁵. Накануне революции во Пскове на Новгородской улице собственным домом владел некто мещанин Владимир Петрович Гуйтов⁶. Возможно, в своих показаниях Александр Иванович имел в виду отказ от своей доли наследства в общем доме во Пскове в обмен на деньги.

⁴ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3.

⁵ ГАПО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 20к.

⁶ ГАПО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 391.

Брат Ивана Николаевича, Николай Николаевич Гуйтов, пользовался определенным уважением. В частности, по сведениям заведующей Новоржевским филиалом Псковского музея-заповедника М.М. Пахоменковой, он был назначен земским судом к малолетнему Михаилу Осиповичу Меньшикову — будущему крупному идеологу русского национализма⁷. Интересно, что Меньшиков получил образование в Техническом училище морского ведомства в Кронштадте, а впоследствии публиковался в «Кронштадтском вестнике» и в «Морской газете» в Санкт-Петербурге. Не могли именно он впоследствии в качестве благодарности устроить Александра Ивановича Гуйтова в столице? Меньшиков, бесспорно, имел отношения с Департаментом полиции МВД, Петербургским охранным отделением и губернским жандармским управлением, которое даже организовало в 1912 г. его охрану как ценного консервативного журналиста⁸.

Прослеживается еще одна связь Гуйтова с Балтикой. В 1896–1898 гг. в Свеаборгском крепостном пехотном батальоне служил офицером Иван Силович Гуйтов, также близкий родственник Александра Ивановича⁹. Во время Первой русской революции в июле 1906 г. разгорелось известное Свеаборгское восстание, которое сломало карьеру капитана Гуйтова. 19 июля 1906 г. он командовал 2-й ротой Свеаборгского крепостного пехотного полка, которая находилась на Александровском острове и вела огонь по мятежникам, не давая им переходить по дамбе с Михайловского на Александровский остров. Когда у солдат оставалось всего от двух до пяти патронов на человека, к И.С. Гуйтову пришел один из командиров восстания большевик подпоручик Е.Л. Коханский и предложил сдать оружие. Видя неравенство сил и нехватку боеприпасов, капитан Гуйтов решил избежать масштабного кровопролития и неминуемого поражения и приказал солдатам сдать оружие — 85 винтовок¹⁰. Следственная комиссия по делу о беспорядках усмотрела в его действиях превышение полномочий, наказуемое дисциплинарным взысканием или полугодным содержанием на гауптвахте. Карьера капитана И.С. Гуйтова была сломана. В том же году

⁷ Пахоменкова М.М. «Из писем родственников». Эпистолярное творчество Меньшикова М.О. [Эл. ресурс] Режим доступа: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf>

⁸ Гребенкин А.Н. Деятельность Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения по обеспечению безопасности лиц, временно подлежащих охране // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 32. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. С. 36.

⁹ Русский инвалид. 1896. № 104. 14 мая. С. 13; Сенатские ведомости. 1898. № 88. 5 ноября. С. 344.

¹⁰ Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 233–234.

А.И. Гуйтов, ранее состоявший в большевистской организации, становится секретным сотрудником Петербургского охранного отделения. Мы полагаем, что между двумя этими событиями может иметься прямая причинно-следственная связь.

Начало пути

Причины и момент появления А.И. Гуйтова в Санкт-Петербурге до сих пор не выяснены. Подробности его личной жизни мы вынуждены черпать из материалов двух его допросов в следственной комиссии Кронштадтского совета в 1917 г. На первом допросе Гуйтов сказал, что приехал в столицу в 1903 г. и устроился работать на электромеханический завод «Н.К. Гейслер и Ко», а на втором допросе заявил, что поступил на Меднолитейный механический завод А.А. Бейера в медно-котельную мастерскую учеником за 30 копеек в день. В 1904 г. токарь Тихон Иванович, взаимодействовавший с социалистическими партиями, познакомил молодого подмастерья с социалистическим учением.

После этого момента в показаниях Гуйтова появляется путаница, вероятно, внесенная им намеренно с целью запутать следователей и скрыть свою истинную деятельность. На первом допросе он утверждал, что принял участие в боевой организации социал-демократов в столице, а оттуда был направлен в город Тулу для работы в подпольной типографии. Устроил его якобы один из организаторов столичных социал-демократов товарищ Фома (Фома Иванович Игнатьев). На втором допросе Гуйтов так описывал свою партийную работу в Петербурге: *«Главная роль, которую я имел в это время, это был на побегушках за литературой»*. Вскоре якобы вместе с неким социалистом Костомозовым он приехал в Тулу к связанному — большевичке Софье Николаевне, работавшей под псевдонимом «Иван Иванович». Тогда разделение РСДРП на большевиков и меньшевиков не носило характера противостояния, потому часто на местах социал-демократы работали вместе. Якобы в Туле Гуйтов работал у меньшевиков в качестве курьера под кличкой Фома Иванович Игнатьев, потом стал помощником корректора в нелегальной типографии¹¹.

На первом допросе Гуйтов сообщал, что в 1907 г. вернулся из Тулы в Петербург вместе с Игнатьевым и работал под фамилией Добровольский. Вскоре в 1908 г. секретарь Охтенского подрайона социал-демокра-

¹¹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

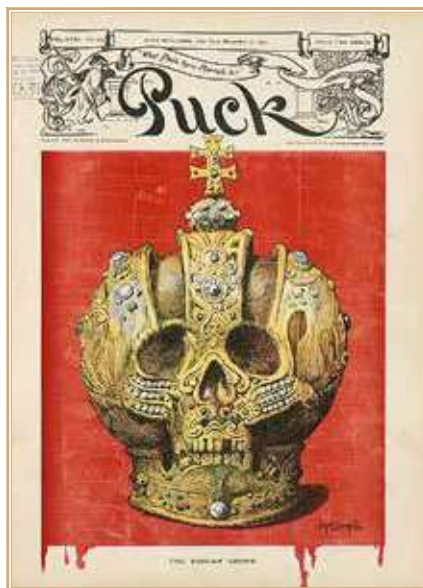
тов выдал Гуйтову подложный паспорт на имя мещанина города Киева Станислава Петровича Байнаровича (или Вайнаровича). Однако жить по этому паспорту долго не пришлось. Он был арестован вместе с указанным секретарем. Формально его 3 месяца держали в Охтенском арестном помещении без предъявления улик не за политическое преступление, которое доказать не смогли, а за проживание по чужому паспорту. После этого он был переведен на полгода в одиночную тюрьму, откуда выслан домой в город Новоржев.

На втором допросе Гуйтов изменил детали показаний. Якобы из Тулы он вернулся не в столицу, а в Москву, где сменил паспорт. На средства товарищей он вернулся из Москвы в Петербург, где жил на Лейхтенбергской улице по паспорту на некоего Василия Федоровича, работал на водочном заводе Петрова ремонтником, а впоследствии в разных кустарных мастерских и на малых заводах. Активно занимался партийной работой. Арестован был в мае 1908 г. с паспортом на имя Байнаровича вместе с пятью его товарищами на Большой Охте на квартире художника Елисея, где часто бывал по партийным делам. У Гуйтова был найден кроме поддельного паспорта еще и револьвер. Задержанные сидели не в Охтенской, а в Коломенской полицейской части под арестом.

Как мы видим, между обеими историями немного общего. Совпадают лишь паспорт на имя Байнаровича и факт ареста в Охтенской части Петербурга и потом полугодичного содержания в тюрьме. На втором допросе 1917 г. Гуйтов подробно описал, как его допрашивали жандармы в 1908 г.: *«Для допроса водили в охранку. Через несколько дней после ареста допрашивал жандармский офицер. Второй раз допрашивал старичок в штатском платье, был весьма груб и держали там 8 дней на кожаном диване. Всего во второй раз допрашивали 2 раза. Вопросы задавали и другие офицеры самые различные. В Крестах сидел месяцев 5-6 и оттуда водили на допрос в охранку 2 раза. В конце лета из пересыльной тюрьмы направили по этапу в свой уездный город Псковской губернии Новоржев»*¹². Финал обеих историй — возвращение в Новоржев — совпадает, однако вызывает сомнение, что лицо, арестованное в группе социалистов с револьвером и паспортом на чужую фамилию, было просто выслано домой к родителям.

В посвященной агентурной деятельности А.И. Гуйтова секретной записке начальника Кронштадтского жандармского управления (КрЖУ) В.В. Тржецяка на имя директора Департамента полиции А.Т. Васильева от 13 декабря 1916 г. сказано, что в 1907 г. он был завербован в качестве

¹² Там же. А. 2.

Обложка американского журнала «Puck». Карикатура на русскую монархию в ходе революции 1905 г. Худ. Карл Хассманн.

Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-26019

секретного сотрудника Петербургским охранным отделением под агентурной кличкой «Кириллов». В том же году он способствовал ликвидации группы социалистов-революционеров максималистов, в которой состоял под партийной кличкой «Сизов». В 1908 г. выдал военную социал-демократическую ячейку в столице¹³. Получается, что арестован он был, уже будучи секретным сотрудником. Это был один из стандартных методов прикрытия осведомителя, против которого появились подозрения в провокации. Нам доподлинно неизвестно, кто, как и когда завербовал Гуйтова, так как фонд Петроградского охранного отделения сохранился весьма фрагментарно, но судя по косвенным данным более позднего времени, произошло это в 1906 г.¹⁴ Сам Гуйтов указывал, что давал показания лично генералу Герасимову. Вероятно, речь идет о начальнике охранного отделения в 1905–1909 гг. А.В. Герасимове, известном своей работой с Е.Ф. Азефом. Он реформировал систему агентурной работы, особое внимание уделял вербовке, ценных сотрудников курировал лично.

Уже в эмиграции Герасимов так описывал свои методы агентурной работы: «главные [агенты. — Прим. В.Х.-Г.] были завербованы наново. Для этого я отдал надлежащие указания тем офицерам, которые вели допро-

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.

сы арестованных. Сам я обычно таких допросов не производил. Но если офицеры докладывали мне, что тот или иной из арестованных при допросах обнаруживает склонность к откровенным разговорам и оказывается неустойчивым в своих революционных симпатиях, то я, — если только этот арестованный по своим знакомствам в революционном мире представлял для меня интерес, — непременно шел на личную беседу с ним. Если эта беседа подтверждала первоначальное впечатление, то я не жалел времени для “обработки” этого арестованного. Конкретные аргументы, которые я выдвигал во время этих бесед, бывали различны. Некоторых пугала тяжесть наказания, других соблазняли деньги, третьих на этот путь толкали личные антипатии против тех или иных революционеров... Но особенно ценными, как показывал мой опыт, бывали люди, которые в силу тех или иных причин искренне разочаровались в революционном движении. На беседы с такими я не жалел времени, стараясь всеми силами склонить их на свою сторону, — и должен сказать, что в целом ряде случаев мне удавалось приобретать исключительно полезных и ценных агентов. К концу моей работы в Охранном отделении я имел в общей сложности не меньше 120–150 таких агентов во всех революционных и оппозиционных партиях [...] С особо важными агентами, которые имели то или иное отношение к центральным организациям, сношения поддерживал я сам непосредственно. Таких агентов было 5–7, причем для свиданий с каждым из них у меня была особая квартира»¹⁵. В своих мемуарах генерал отмечает важность сохранения каждого секретного сотрудника, прикрытия его от разоблачения. В каком-то смысле его взгляд можно назвать отеческим. Герасимов считается одним из высочайших специалистов по агентурной работе в империи. Ему поручались такие delicate миссии, как, например, наблюдение за рубежом за братом царя великим князем Михаилом Александровичем и его дамой сердца Наталией Вульферт¹⁶. Под руководством генерала Гуйтов прошел выдающуюся школу секретной работы, которая помогла ему в дальнейшем.

Представляет интерес вышеупомянутый переезд Гуйтова в Новоржев, произошедший уже после того, как он начал активно сотрудничать с охранкой. Мы предполагаем, что это был побег, ставший следствием нервного срыва после двух крупных ликвидаций, совершенных полицией по его наводкам. Агенты жили в страхе разоблачения и мести товарищей, а пото-

¹⁵ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 57, 58.

¹⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 164.

му часто страдали депрессиями и срывами. Но «Кириллов» был весьма результативный работник и для него выйти из игры было не так уж и просто.

Полиция нашла аморальный, но эффективный способ вернуть ценного сотрудника на службу. 30 декабря 1908 г. статский советник Цезарь Иванович Обух-Воцатынский, судебный следователь по важнейшим делам Санкт-Петербургского окружного суда, обратился с секретным очень срочным запросом в Новоржевское уездное полицейское управление с требованием принять меры к немедленному задержанию и высылке в Санкт-Петербург новоржевского мещанина Александра Гуйтова, обвиняемого в разбоях и убийствах¹⁷. Конкретно Гуйтову инкриминировали следующие статьи Уложения о наказаниях: 924 (создание шайки для разбоев или фальшивомонетничества), 927 (совершение преступления в составе шайки), 1459 (неумышленное убийство при совершении иных противоправных насильственных действий), 1633 и 1634 (разбой, сопровождающийся убийством), что в совокупности «тянуло» на срок от 18 лет каторжных работ до смертной казни, в зависимости от обстоятельств¹⁸. Не могло ли это быть одним из способов давления на секретного сотрудника?

Репутация у этого следователя была крайне дурная: человека внешне обходительного, но при этом беспринципного, жестокого, добывающего свою жертву. Психотип следователя Порфирия Петровича из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Именно Обух арестовал Корнея Чуковского за сатирические публикации в редактируемом им журнале «Сигнал» по обвинению за оскорбление величества. Писатель вышел с большим трудом лишь после внесения сестрой А.И. Куприна колоссального залога в размере 10 тыс. руб. Но и после этого следователь не оставлял попыток посадить писателя в тюрьму. Сам Чуковский 31 января 1906 г. записал в дневнике: «Был у Обуха. Плохо мое дело. Придирка к совершенно невинной статье, лишь бы меня погубить»¹⁹. Свой арест, личность и манеры Обух-Воцатынского Чуковский описывал следующим образом: «Был он экспансивен, плешив и вертляв. Лицо подвижное, приятное, как будто совсем не чиновничье. Пожав обеими руками мою руку и усадив меня в монументальное кресло, он долго с усилием глядел на меня, словно не мог наглядеться. Потом выдвинул ящик стола и достал оттуда глянцеви́тую папку,

¹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 1132. Л. 9.

¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1886. С. 357, 358, 509, 603.

¹⁹ Чуковский К.И. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921 / Предисл. В. Каверина; коммент. Е. Чуковской. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. С. 123.

в которой я увидел мой “Сигнал”, весь испещренный какими-то красными черточками, знаками, значками, завитками, пометками, образовавшими на каждой странице очень аккуратный, затейливый и красивый узор. Ваши преступления, — сказал он задушевым и вкрадчивым голосом, совершенно не соответствующим смыслу его неласковых слов, — ваши преступления так тяжелы и серьезны, что для обеспечения вашей явки к суду прокурор Камышанский (тут голос Обуха стал особенно нежным) приказал взять вас под стражу... если, впрочем, вы не согласитесь представить залог в размере десяти тысяч рублей. — Десять тысяч? Рублей? Я показал ему свой кошелек, где ютилась одна трехрублевка. — В таком случае... — И мой новый приятель нажал (как я позднее догадался, коленом) невидимую кнопку звонка, прилаженную где-то под столом. Вошел служитель в мундире с зелеными кантами: — Пожалуйста! В сто седьмую! — сказал с грустной улыбкой Обух и приветливо помахал мне рукой, как делают великосветские люди, прощаясь на перроне вокзала с друзьями, уезжающими на Кавказ или в Ниццу»²⁰.

Именно такой человек мертвой хваткой вцепился в Гуйтова. Любопытно, что на самом деле никакого дела на Гуйтова в окружном суде не существовало и в историческом архиве Санкт-Петербурга никаких следов его не обнаружено. Судя по всему, речь шла о неприкрытом шантаже. Все направлявшиеся запросы представляли собой лишь попытку поймать бежавшего в Новоржев Гуйтова по неполитическому поводу, причем секретным образом, не объявляя в имперский розыск. Самое интересное, что как только Гуйтов соглашается продолжить сотрудничать с Петербургским охранным отделением, его поиски приостанавливаются. Мы полагаем, что никакого разбойного нападения с убийством он не совершал, так как сотрудничество с агентами, совершившими уголовные преступления, было прямо запрещено циркулярами Департамента полиции²¹. Это был шантаж с целью принудить его работать на «охранку».

Работа на Юге России

В 1909 г. Гуйтов под той же кличкой «Кириллов» был командирован из Санкт-Петербурга в Баку, где вступил в местную организацию партии со-

²⁰ Никитин Е.Н. Какие они разные... Корней, Николай и Лидия Чуковские. Н. Новгород: Деком, 2014. С. 39, 40.

²¹ Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 / Сост. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 106, 107.

циалистов-революционеров, оказывая услуги местному розыскному органу. Возможно, этот перевод был связан с отставкой в том же году его куратора, начальника столичной охраны генерала А.В. Герасимова. В картотеке Департамента полиции в ГА РФ есть уточнение, что в данный период Гуйтов работал на Жандармское полицейское управление Закавказских железных дорог, а потом на Бакинское охранное отделение. Здесь он вошел в областной комитет партии социалистов-революционеров и по его наводке 1 мая 1910 г. в Баку была ликвидирована типография партии²².

Крупным делом этого периода его агентурной деятельности является предотвращение ограбления банка во Владимирской губернии. 14 июня 1910 г. А.И. Гуйтов явился к начальнику Самарского губернского жандармского управления полковнику А.П. Критскому, представившись секретным сотрудником Бакинской охраны «Кирилловым», командированным в Самару по закавказским делам, и попросил содействия. Баку подтвердил, что в городе на Волге «Кириллов» должен следить за проезжающими участниками группы бакинских анархистов, намеренными произвести крупное ограбление в города Шуе или Иваново-Вознесенске Владимирской губернии. Двое «экспроприаторов» остановились в Самаре в снятой Гуйтовым квартире и попали под наблюдение местных филеров. Вскоре к ним присоединилась беспартийная воровка Матрена Дмитриевна Шевченко по кличке «Змейка». Однако между участниками предполагаемого ограбления произошла размолвка плюс они считали свои силы недостаточными.

6 июля «Кириллов» выехал в Казань на поиски одного из предполагаемых участников экспроприации банка, а оттуда в Москву по приглашению начальника Московского охранного отделения полковника П.П. Заварзина²³. Во многом это было связано с тем, что он не получил поддержки от самарских жандармов. Критский сообщениям Гуйтова не доверял и содействия ему не оказывал, за исключением неуклюже организованного филерского наблюдения, которое чуть не скомпрометировало Гуйтова в глазах подельников по планировавшемуся ограблению. В своих мемуарах начальник Саратовского охранного отделения полковник А.П. Мартынов называл А.П. Критского *«тяжелым на подъем, обленившимся и младенчески наивным в политическом розыске пожилым любителем преферанса»*²⁴.

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

²³ Там же. Д. 282 (1910 год). Л. 39–41.

²⁴ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 221.

Внедрение Гуйтова в террористическую группу анархистов, будучи при этом членом партии эсеров, было крайне рискованным и вызвало подозрения. Основанием стала его руководящая роль у местных эсеров, которую он скрывал от анархистов. 26 июля 1910 г. один из проживавших с ним подельников анархист Василий Васильевич Анищенко получил письмо от своих коллег из Баку, в котором они высказывали подозрения в провокаторстве по адресу Александра Ивановича. Второй подельник Алексей Егорович Кузьмин, видя, что ограбление банка оттягивается на неизвестный срок, сдружился с Гуйтовым, чем также вызвал подозрения. 24 октября самарские анархисты перешли к активным действиям. Они вышли на связь с местными эсерами и решили командировать к бакинским эсерам студента Г.Г. Альбрехта с сообщением, что А.И. Гуйтов и А. Кузьмин — провокаторы охраны. Также они отказались от нападения на Шую и Иваново-Вознесенск и просили выслать новую группу из Баку в Самару с запасом оружия и бомб для совершения экспроприаций и террористических актов в самой Самаре. Начальник жандармского отделения позволил Альбрехту выехать из города, но под наблюдением филеров. Закавказская полиция была предупреждена. В результате 3 ноября в Баку были арестованы готовившие теракты члены ячейки социалистов-революционеров Генрих Генрихович Альбрехт (партийная кличка «Урод»), с ним товарищи Нисон Мовшев Евенсон («Губастый»), Хана Гита Гершева Клячко (кличка «Ядовитая»), Иосиф Августов Евсеев («Горбатый») и Хася Срулева Гольдштейн²⁵. Ограбление банка было предотвращено, равно и как предполагавшиеся теракты в Самаре, бакинские анархисты и эсеры были арестованы, а непосредственная угроза для Гуйтова отпала, но он оказался окончательно скомпрометирован. Главной причиной этого стала неосторожность его куратора, начальника Бакинской охраны ротмистра П.П. Мартынова, который писал ему за своими инициалами письма с инструкциями прямо на квартиру, где тот проживал в Самаре с подельниками по готовившемуся ограблению. Вероятно, одно из них и было вскрыто Василием Анищенко. Впоследствии, разбирая результаты операции, вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов прямо обвинил П.П. Мартынова в провале ценного сотрудника²⁶.

В 1911 г. после провала по вине куратора, опасаясь мести как эсеров, так и анархистов, Гуйтов пытается постепенно отойти от дел и начина-

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 282 (1910 год). Л. 54–60.

²⁶ Там же. Л. 50, 51.

Вице-директор Департамента полиции МВД Сергей Евлампиевич Виссарионов.
Из открытых источников

ет запутывать следы. Он меняет личность и 24 января получает новую паспортную книжку на имя родившегося в 1883 г. безземельного крестьянина Гривской волости Новоржевского уезда Псковской губернии по профессии рабочего Константина Александровича Зиновьева, которой и пользуется наравне с документами на имя А.И. Гуйтова²⁷. Паспорт выписал гривский волостной писарь Иван Никифоров. При этом Гуйтов возвращается в Москву, продолжая контактировать с местным охранным отделением. А 23 августа 1911 г. он выезжает из Москвы, где проживал на Мясницкой улице в гостинице «Лубянские номера», во Псков, а оттуда едет в родной Новоржев. Здесь он получает у местного исправника еще одну паспортную книжку № 136 на имя Александра Николаевича Гуйтова, сменив отчество с Ивановича. Теперь у него на руках три паспорта на имена К.А. Зиновьева, А.И. Гуйтова и А.Н. Гуйтова. Бывший секретный сотрудник хочет начать новую жизнь, но охранка не дремлет. Оказывается, все время за ним шла слежка. У филеров Московского охранного отделения он проходил под кличкой «Полкан». В тот же день 23 августа помощник начальника отделения подполковник Турчанинов поднимает давно уже забытое дело Петербургского военно-окружного суда и требует от псковской полиции немедленно арестовать Гуйтова.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 64.

В Кронштадтском жандармском управлении

Нам неизвестно, что произошло дальше. По разным документам то ли в конце 1911 г., то ли в начале 1912 г. Гуйтов соглашается поступить назад в секретную агентуру — на этот раз в Кронштадтское жандармское управление под новой кличкой — «Каменский». 23 декабря 1911 г. военный прокурор Петербургского военно-окружного суда приостановил дело розыска и задержания²⁸. А в 1912 г. Турчанинов приостановил и сами поиски Гуйтова. То, что вся эта история с уголовным делом и розысками была инсценировкой с целью принудить к продолжению сотрудничества ценного агента, ясно хотя бы из того, что во время дела о подготовке ограбления банка Гуйтов постоянно находился в Москве, регулярно контактировал с начальником отделения Мартыновым и его помощником Турчаниновым, его пребывание и все передвижения были им известны. Обыск в его номере в гостинице «Лубянские номера» произошел ровно на следующий день после его отъезда в Псков.

В Кронштадтском ЖУ «Каменский» занимался освещением революционного движения среди судовых команд флота Балтийского моря. Он окончательно меняет личность на рабочего К.А. Зиновьева и переходит на нелегальное положение. Первоначально он живет в Свеаборге, работает вторым машинистом на транспорте «Мезень»²⁹, потом временно селится в Петрограде на Знаменской улице в д. 2, а оттуда вскоре переезжает в Кронштадт. В своих показаниях в 1917 г. Гуйтов говорил: *«Имея в Петрограде много знакомых, я нашел пребывание там невозможным, так как скрывался от воинской повинности. [...] Паспорт нелегальный был вполне надежный, следовательно бояться провала не имел никаких оснований. В Кронштадте я сначала устроился в Гордессер, а затем работал в Управлении строителя крепости»*³⁰. В управлении он работал механиком.

В этих словах содержится частичка правды. Провалившись, как А.И. Гуйтов, он не мог появиться на глаза петербургским революционерам. И хотя он не был ими доказательно изобличен в работе на охранку, в отношении его сформировались подозрения. К революционной работе Гуйтова бы не допустили. Нелегальное положение имело и свои минусы: он не мог поступить на военную службу. Плюс к инкриминировавшимся ему Обух-Вощатынским уголовным статьям добавилась еще одна — уклонение от воинской повинности.

²⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 1132. Л. 9. Л. 8.

²⁹ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

В Кронштадтском управлении Гуйтову повезло. Он работал под руководством одного из видных специалистов — подполковника Владимира Владимировича Владимирова, который отвечал за агентурную работу в жандармском управлении. Одним из наиболее интересных и крупных заданий, которые получил агент «Каменский» была командировка в Лондон для выяснения связей и намерений известного революционера бывшего народовольца Алексея Львовича Теплова, который жил в британской столице с 1893 г. и занимался изданием газеты «Русский рабочий». Здесь требуются некоторые пояснения. Теплов входил в ближний круг друзей В.А. Бурцева. Изначально в Париже, а потом в Лондоне он занимался изготовлением бомб для террористических актов в России, а в 1910-е гг. перешел к более мирной деятельности — организации русских революционно настроенных подданных в неформальные профсоюзы. Департамент полиции воспринимал его как серьезную угрозу и пытался установить за ним наблюдение. В 1909 г. начальник Заграничной агентуры ротмистр В.И. Андреев отмечал, что Теплов имел «громадное влияние» среди социалистов вообще и поддерживал тесные связи с партией эсеров³¹. 11 июля 1913 г. вместе со своими коллегами Николаем Кlichem, Дмитрием Барановым и Михаилом Александровым (настоящая фамилия Традучан) он учредил лондонский «Союз русских моряков заграницей», вознамерившись оттуда организовывать революционную работу на царском флоте³². Активный набор в союз продолжался по лето 1914 г. В него вступали не только эмигранты, но и моряки, находившиеся в России: матросы с парохода «Цесаревич Алексей» Александр Ванцев и Карл Там, кочегар Николай Голодный с заходившего неоднократно в Лондон русского парохода «Тула». Среди целей союза значилась как организация русских моряков на всех иностранных судах, так и политическая организация балтийских судов. В обращении к сочувствующим Теплов писал: «Мы вышли на большую дорогу и это толкает нас на организацию Боевого союза российских моряков заграницей»³³. Намерения эти были далеко не безобидными, так как, по признанию секретаря союза и правой руки Теплова Дмитрия Аничкина, союз имел связи с различными флотами и не был фантазийной инициативой небольшой группы лиц.

14–21 февраля 1914 г. прошла совместная конференция «Союза русских моряков заграницей», Черноморского и Каспийского союзов моря-

³¹ Агентурная работа. С. 178.

³² ГА РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³³ Там же. Д. 73. Л. 18.

ков, в которой участвовали делегаты от различных групп и организаций военных и гражданских моряков, общая численность которых по представленным союдами спискам составляла 5594 человека. Разумеется, в это число входят и «мертвые души», и аполитичные члены морских союзов. На конференции Лондонскому союзу было поручено организовать моряков на военном и гражданском флотах на Балтике и провести в будущем отдельную Балтийскую конференцию. Аничкин с Тепловым предполагали создать филиалы Балтийского союза во всех портах, куда заходят пароходы³⁴. Кроме того, Тепловым в 1914 г. был учрежден еще и «Союз бывших военных», который номинально был нацелен на взаимопомощь его членов и обмен мнениями по поводу событий в России, а неофициально занимался финансированием революционной работы среди военных через учрежденный им «Фонд борьбы»³⁵.

В 1916 г. «Каменский» был направлен своим куратором Владимиром в Либаву для расследования сведений о военно-революционных организациях на флоте в связи с деятельностью Теплова, а оттуда был командирован в Лондон. В записке начальника КрЖУ Тржецяка эта работа «Каменского» описана кратко: *«успешно оказывал агентурные услуги по связям с проживающим в Лондоне известным Департаменту полиции эмигрантом Тепловым»*³⁶. Подробности раскрывает сам Гуйтов в показаниях, данных Кронштадтскому совету в 1917 г.: *«В 1913 году весной я уехал в Либаву, где и поступил на завод Матисона, а затем работал на Доровой улице у еврея медика. Всего пробыл в Либаве около 3-х месяцев. Из Либавы уехал за границу в Лондон — зайцем. Способствовал такому переходу один еврей, работавший на заводе Матисона. Ехал с нами вместе Шолобариц, с которым я познакомился случайно на улице. При помощи Файта устроили выезд и Шолобарицу. В Лондоне пришлось пережить очень много. Затем, благодаря указанию русского парикмахера, мы нашли Теплова. В Лондоне пробыл месяца три, после чего вернулся в Либаву. А уехал оттуда по такому желанию, какое было побывать за границей»*³⁷. Из этих воспоминаний мы видим, как филигранно он был внедрен своим куратором подполковником Владимиром в окружение Теплова.

Упомянутым евреем Файтом, организовавшим транспортировку в Лондон, был некто Нельсон, бывший эмигрант, конспиративным обра-

³⁴ Там же. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Д. 11а. Л. 1–7.

³⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

³⁷ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

зом вернувшийся в Россию для организации революционной работы на Балтийском флоте. К нему вошел в доверие Зиновьев. Мы имеем письменные указания, данные Владимировым «Каменскому» по этому делу, которые показывают механику работы внедренного сотрудника.

«При посредстве эмигранта Нельсона и его жены, проживающих нелегально в Либаве, выяснить транспортеров и получателей нелегальной литературы, а также распространителей (частных лиц) таковой среды матросов. Войдя в доверие отправителей и получателей нелегальной литературы, установить местохраниение таковой. Установить через третьих лиц получателей из матросов, являющихся в то же время и оружейными представителями. Дальнейшая разработка этих задач, вызывающая непосредственное соприкосновение с матросской средой, не может быть допущена.

Нелегальная литература, препровождаемая в Россию из-за границы на коммерческих судах, ни в коем случае не может быть получаемая им («Каменским». — Прим. В.Х.-Г.) ни для распространения таковой на военных кораблях, ни для передачи отдельным распропагандированным матросам, ни кому-либо. Никакого активного участия в пропаганде тем более на военных судах он принимать не может, равно как и не должен вести разговоры на политическую тему с матросами и портовыми рабочими. Имеет право только в крайних единичных и важных для агентуры случаях пересылать корреспонденцию матросов по поддержанию связи с политическими эмигрантами, и помещать статьи в революционной прессе.

Сообщая [сведения. — Прим. В.Х.-Г.] о дислокации военных судов, можно разглашать лишь в тех объемах, в которых они есть в открытых источниках, включая легальную прессу. Каменский должен временно уклониться от прямых сношений с Тепловым. Во избежание без ведома его посещения матросами, квартира Каменского в Либаве не должна быть явочной и вообще он должен уклониться от непосредственного сближения с матросами»³⁸.

Этот документ является не только крайне редким образцом письменных указаний данных секретному сотруднику. Обычно они давались исключительно лично и в устной форме. Стоит отметить, насколько деликатно подходит к внедрению и работе агента его куратор Владимиров. Он старается избежать совершения сотрудником любых поступков, которые можно расценить как преступные, а значит — провокативные. Владимиров старается максимально оградить агента от прямых контактов с революционными матросами, которые могли бы потребовать от «Ка-

³⁸ Там же. Л. 12–12 об.

менского» более активных действий, прямой отказ от которых мог бы бросить на него тень. Это сильно контрастирует с тем потребительским отношением, которое к Гуйтову проявляли его кураторы в Баку и Саратове, фактически провалившие агента.

О положении Гуйтова-Каменского внутри системы секретной агентуры Кронштадтского жандармского управления можно судить по спискам секретных сотрудников и осведомителей, составленным в 1915–1916 гг. Первый из дошедших до нас списков агентов, находившихся под непосредственным кураторством В.В. Владимирова, был составлен в январе 1915 г. В него не вошли «штучники» — сотрудники, эпизодически поставлявшие единичные сведения и находившиеся на разовой оплате за каждое донесение. Из этого документа ясно, что агентура управления была весьма немногочисленна: всего 13 человек, из которых двое относились к секретным сотрудникам, освещавшим деятельность партий, остальные — к осведомителям. Разница между первыми и вторыми типами агентов заключалась в том, что сексоты являлись активными членами революционных партийных ячеек, а осведомители сами не состояли в них, а лишь были знакомы с революционно настроенным контингентом и давали менее ценные сведения, часто полученные из вторых или третьих уст. Наблюдением за социал-демократами занимался сотрудник «Мирский-Миловидов» — рабочий завода «Эриксон», служивший на крейсере «Диана» Дмитрий Ефимович Тихомиров. Он получал солидные деньги — 50 руб. в месяц. Партию социалистов-революционеров освещал агент «Каменский», являвшийся самым высокооплачиваемым сексотом Кронштадтского ЖУ с окладом в 125 руб. в месяц. Осведомители, которых числилось 11 человек («Павлов», «Породин», «Жук», просто «Мирский», «Леонов», «Кубов», «Кустов», «Аргус», «Лесной», «Судовой», «Записной»), освещали настроения в мастерских, воинских частях, в целом в городе и даже в коммерческом суде. Оплата работы осведомителей была значительно меньше и колебалась в пределах от 10 до 40 руб. в месяц. Из этого списка мы видим, что в начале Первой мировой войны большинство сотрудников были совсем молодые и неопытные, недавно завербованные розыскниками. Только 4 из 13 агентов были завербованы до 1914 г.³⁹ Положение с постановкой агентурной работы через полгода, в июне 1915 г., оказалось даже немного хуже: их стало на одного меньше — 12 человек, сменилась часть агентов. Ушли или были уволены «Аргус», «Кустов», «Лесной», «Породин», а их место заняли «Беляков», «Андреевский», «Сюргучев»⁴⁰.

³⁹ Там же. Д. 1. Ч. 58. Лит. Е. Т. 2. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 23.

Артиллерийские казармы Кронштадта. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

В январе 1915 г. общий месячный расход на агентуру составлял 440 руб. «окладов» и 25 командировочных «Мирскому-Миловидову», притом что размер сметного ассигнования на агентуру составлял 600 руб. Можно констатировать, что известный недостаток освещения настроений на Балтийском флоте и в его портах базирования был связан не с недофинансированием работы секретной агентуры, а с тем, что офицеры КрЖУ начали системно обзаводиться ею только с марта 1914 г. Департамент полиции учел это обстоятельство и сократил ассигнования на агентуру до 500 руб. в месяц. Было урезано и финансирование наружного наблюдения: если в январе 1915 г. из центра на жалованье делопроизводителя морского района и штатных филеров выделялось 400 руб., а суточных и расходных денег 120 руб., то в июне жалованье филеров составило 350 руб., суточные и расходные деньги 105 руб., а должность делопроизводителя района и вовсе выпала из сметы⁴¹. Интересна и динамика освоения денег на наружное наблюдение: если в январе жандармское управление осваивало 90% выделяемых средств, то в июне только 76,5%.

К концу 1915 г. удалось преодолеть агентурный кризис в Кронштадтском управлении. В декабрьской сводке числится уже 25 агентов. Сотрудников, как и прежде, было двое, «Каменский» и «Мирский-Ми-

⁴¹ Там же. Л. 3, 22.

ловидов», остальные — осведомители. 19 осведомителей, т.е. 76% всей агентуры, были новыми людьми, нанятыми в период с июня по декабрь, причем больше половины из них (12 человек) в декабре. О качестве этой агентуры можно судить по уровню ее оплаты: не уверенные в результатах жандармы положили новичкам оклады в 5–10 руб. в месяц, а у восьми осведомителей вообще не было установлено постоянных окладов⁴². Ведущим и самым высокооплачиваемым сотрудником продолжал оставаться Гуйтов. Причем его оклад был в 25 раз выше, например, оклада осведомителя «Горбунова». Таким образом, мы видим, что костяк секретной агентуры КрЖУ был очень невелик и вся работа держалась на пяти-шести постоянных сотрудниках. Характер взаимодействия с Владимировым Гуйтов описал в своих показаниях следователю Кронштадтского совета: *«Нет показаний, подписанных сотрудником, а только на машинке. Я писал быстро, а Владимиров перерабатывал и часто от себя добавлял. Жандармское управление верило... только осведомителям»*⁴³.

До нас дошли и описания его пребывания в Кронштадте, данные уже после разоблачения сотрудника, его знакомыми. Это тоже уникальный источник. Согласно показаниям электрика Н.М. Шимарева, в 1912 г. Гуйтов жил в Кронштадте под именем К.А. Зиновьева на Петровской улице в доме Туркина в квартире 30 или 31 и работал на строительстве крепости. *«У Зиновьева очень часто собирались кучки матросов с разных судов флота и с I-го Балтийского экипажа — матрос Уточкин. В том же году Зиновьев неожиданно из Кронштадта скрылся, не предупредив своих товарищей. После отъезда Зиновьева произошли аресты на судах флота, а именно на “Петре Первом” и I-м Балтийском экипаже, где был арестован товарищ матрос Уточкин, который посещал квартиру Зиновьева. С “Павла Первого” был арестован Алексей Кашин, который квартиру Зиновьева не посещал и много других»*⁴⁴. Это был традиционный метод прикрытия секретных сотрудников, когда ликвидация, как на охранном жаргоне назывался арест, проводилась после отъезда сотрудника. Считалось, что подобным образом от сотрудника отводились подозрения в доносительстве. Однако не всегда кураторы соблюдали это требование и начинали торопиться с арестом, что приводило к раскрытию сотрудников.

⁴² Там же. Л. 52.

⁴³ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.

⁴⁴ Там же. Л. 3.

Интриги Департамента полиции

Несмотря на возникавшие подозрения, работа «Каменского» шла довольно успешно и гладко. Угроза разоблачения нависла совершенно неожиданно и исходила не от некомпетентности действий его лично или его кураторов, а от указаний высшего руководства политического сыска. Начавшаяся Первая мировая война привела к массовой мобилизации секретных сотрудников в армию, что разваливало политический сыск. Уже 29 июля/11 августа 1914 г. начальник Кронштадтского ЖУ В.В. Тржецяк писал товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому: *«С объявлением войны и с мобилизацией флота многие из числа сотрудников и осведомителей, обслуживавших вверенный мне морской район, приняты на действительную военную службу, чем значительно ослаблена осведомленность района. Ввиду сего испрашиваю разрешения <...> разрешить мне на время военных действий продолжать сношения с подобными лицами»*, однако получил категорический отказ шефа жандармов⁴⁵. За некоторых сотрудников Тржецяк все же пытался бороться. 29 октября 1914 г. он ходатайствует перед директором Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполитом сделать исключение для «Каменского», так как для легализации ему придется подать прошение на Высочайшее имя о помиловании за уклонение от отбывания воинской повинности и проживание по поддельным документам, что неизбежно *«приведет к раскрытию Каменского и утрате его как агентурной силы»*⁴⁶.

В докладной записке на имя вице-директора Департамента полиции А.Т. Васильева от 17 августа 1914 г. Тржецяк пояснил причину невозможности перехода «Каменского» на легальное положение. Ему угрожала месть. В 1906–1907 гг. он состоял в Санкт-Петербурге членом ячейки эсеров-максималистов под кличкой «Сизов» и выдал ее членов, после чего попал под подозрение коллег, а вскоре смог перебраться в Баку. Однако поиски предателя максималисты продолжили. В конце июля избежавшие ареста максималисты нашли Зиновьева в Кронштадте, опознали в нем Гуйтова-«Сизова». Розысками предателя руководили петербургский эсер Блинов, проходивший под партийной кличкой «Батька», и проходивший по делу о 29 экспроприаторах Александр Чванников. Гуйтов пошел на риск. Пользуясь тем, что его внешность за эти годы сильно изменилась (растолстел и обзавелся большой бородой), он

⁴⁵ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 210 (1913 г.). Л. 158.

⁴⁶ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

передал через доверенное лицо Блинову и Чванникову свою современную фотокарточку. Максималисты решили, что проживающий в Кронштадте Зиновьев не похож на разыскивавшегося ими Гуйтова-«Сизова», и прекратили преследование. Однако в силу того, что он уклонился от личной встречи, где его могли опознать по голосу и манерам, оставили его под подозрением. Получение К.А. Зиновьевым паспорта на имя А.И. Гуйтова, что было неизбежно при легализации и поступлении на военную службу, неизбежно раскрыло бы его и поставило под удар как его самого, так и его доверенное лицо, также, вероятно, работавшее на жандармов⁴⁷.

Васильев потребовал якобы для обеспечения безопасности «Каменского» ускорить ликвидацию (арест) группы Блинова — Чванникова и потом легализовать агента. Человек не из охранно-жандармской среды, плохо разбиравшийся в вопросах агентурной работы, он фактически вел к гарантированному провалу агента. Уровень профессионализма А.Т. Васильева прекрасно охарактеризовала в предисловии к публикации его мемуаров З.И. Перегудова. В октябре 1916 г. на вопрос императрицы Александры Федоровны о волнениях он ответил, что *«революция совершенно невозможна в России. Конечно, есть среди населения определенное нервное напряжение из-за продолжающейся войны и тяжелого бремени, которое она вызвала, но народ доверяет царю и не думает о восстании»*⁴⁸. В своей работе он отличался безынициативностью, ограничиваясь неукоснительным исполнением распоряжений и инструкций.

7 ноября 1915 г. Васильев повторно потребовал перевода части секретных сотрудников, уклоняющихся от воинской повинности, на легальное положение, включая «Каменского». Агенты должны были отделаться от паспортов, выданных на вымышленные имена, и начать жить по своим настоящим документам. Это вызвало бы вопросы и подозрения среди всех их знакомых по Кронштадту и автоматический провал. Руководство КрЖУ снова попыталось прикрыть Гуйтова, проигнорировав требование департамента. Начальнику управления полковнику Тржецяку удавалось тянуть время. 18 декабря 1915 г. Владимир Валерианович прямо отказал департаменту с формулировкой, что *«по условиям настоящего момента легализация “Каменского” не*

⁴⁷ Там же. Л. 8 об.

⁴⁸ Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 21–22.

Первый Балтийский флотский экипаж. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

может быть осуществлена в ближайшее время»⁴⁹. В январе 1916 г. департамент продолжил настойчивое давление. 12 мая Тржецяк сообщает, что Гуйтов легализовался и 1 марта поступил на военную службу в инженерные войска в город Луге Тверской губернии и выполняет работы по ремонту автомобилей. Ввиду легализации секретный сотрудник «Каменский» был 1 апреля уволен из агентуры КрЖУ. Однако проблемы на этом не закончились. Департамент требует у Тржецяка прислать паспортную книжку на имя Зиновьева в доказательство легализации. 22 июля Тржецяк отвечает, что Гуйтов при поступлении на службу якобы уничтожил документы на имя Зиновьева, почему сам Тржецяк и не может сдать его документ в департамент⁵⁰. Ответ департамента был весьма нетривиальным. Будучи прекрасно осведомленным о месте нахождения и несения воинской службы Гуйтовым, 29 июля вице-директор И.К. Смирнов издал циркулярное распоряжение всем розыскным органам империи арестовать К.А. Зиновьева⁵¹. Подобный циркуляр ex officio должен был поступить и начальнику КрЖУ. Таким способом руководство департамента выразило свое недоверие Тржецяку и хотело исключить возможность Гуйтова продол-

⁴⁹ ГА РФ. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 8, 13.

⁵⁰ Там же. Л. 12, 15.

⁵¹ Там же. Т. 2 (1915 год). Оп. Л. 64.

жить проживать, работать секретным сотрудником либо скрыться с паспортом на имя Зиновьева.

13 декабря 1916 г. Тржецяк предоставил в департамент записку о службе А.И. Гуйтова как агента под кличками «Каменский» и «Кириллов», дав ему самую высокую оценку как сотруднику. Из документа следует, что Александр Иванович ходатайствовал перед начальником КрЖУ о продолжении своей работы в качестве секретного сотрудника, но уже не в Кронштадте, где ему грозило раскрытие, а в Саратовском ГЖУ. Тржецяк поддержал его просьбу и просил директора ДП Васильева о том же департамент, на что 21 декабря поступил отказ⁵². В этой связи надо отметить, что позиция А.Т. Васильева явно была предвзятой по отношению к Гуйтову и противоречила официальной политике департамента по отношению к призванным в армию секретным сотрудникам. Так, еще 24 марта 1916 г. его предшественник на посту директора генерал-майор Е.К. Климович разослал во все местные органы сыска циркулярное письмо по этому вопросу. В частности, Климович писал: *«Последовательный призыв на действительную службу лиц, находящихся в положении военнообязанных, привел в конечном результате к тому, что некоторые розыскные учреждения утратили часть состава секретной агентуры, каковое обстоятельство не замедлило, конечно, отразиться и на успешности политического розыска. В виду сего [...] Департамент полиции намерен в этих целях возбудить вопрос об освобождении от военной службы тех из сотрудников, кои уже приняты в войска»*⁵³.

Таким образом, Тржецяк действовал как раз в рамках политики департамента. Однако против самого полковника сложилось негативное мнение в Петрограде и его ходатайства более не имели силы. В конце июня — начале июля 1916 г. генерал для поручений при министре внутренних дел генерал-майор П.К. Попов проводил по предписанию товарища министра А.В. Степанова проверку агентурной работы Кронштадтского и связанного с ним по морской розыскной работе Эстляндского жандармских управлений. Его выводы были критическими: дневников агентурных донесений на каждого сотрудника не велось, только общие дневники донесений; отдельных сводок по политическим партиям не было; были лишь общие сводки о революционном движении на флоте; из всех осведомителей ценность

⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10–11.

⁵³ Агентурная работа. С. 361, 362.

представляли только двое («Случайный» и «Пухов»), а из секретных сотрудников — только «Третьяков». Общая тональность доклада была крайне негативной по отношению к Тржецяку⁵⁴. Несмотря на то, что в этом докладе была доля правды, надо отметить, что он был по преимуществу предвзятым и более напоминал заказной разгром, нежели объективную оценку. Например, Попов умолчал о том, что два самых ценных сотрудника Тржецяка, «Каменский» и «Мирский-Миловидов», входившие в революционные партийные ячейки и регулярно дававшие сведения о работе эсеров и социал-демократов, в отсутствии информации о которой Попов упрекал КрЖУ, были за несколько месяцев до проверки уволены из агентуры и мобилизованы в армию именно по требованию самого Департамента полиции, вопреки воле начальника КрЖУ. Очевидно, что желание «свалить» Тржецяка для некоторых чинов МВД превалировало над задачами обеспечения политической безопасности Балтийского флота и портов его базирования. Ради личных целей подрывалась безопасность государства. На фоне инвектив Попова многочисленные ходатайства Тржецяка о сохранении ценного сотрудника и отказы в нем смотрятся совершенно иначе. Вскоре В.В. Тржецяк был освобожден от должности и 7 января 1917 г. сдал под роспись списки осведомителей новому начальнику полковнику Н.Н. Аплечееву⁵⁵.

В своих показаниях Кронштадтскому совету Аплечеев утверждал, что КрЖУ пыталось сохранить «Каменского» для будущего, избежать его направления на фронт. *«Относительно его начальство (Департамент полиции. — Прим. В.Х.-Г.) распорядилось выслать в распоряжение какого-то воинского начальника, но охранное отделение заступилось и вернуло его обратно. Процедура эта тянулась два месяца»*⁵⁶. Это подтверждается фактически. Сначала в мае 1916 г. Гуйтов был зачислен в нестроевую роту, располагавшуюся в городе Луге, откуда переведен рядовым в Полоцкую (4-й) тыловую автомобильную мастерскую. А оттуда уже приказом по Кронштадтской крепости от 9 июля 1916 г. был передан в распоряжение штаба крепости и назначен в Кронштадтский крепостной артиллерийский склад как специалист медник и паяльщик⁵⁷.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 11–16 об.

⁵⁵ Там же. Л. 60–62.

⁵⁶ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

⁵⁷ Там же. Л. 52.

В Кронштадтском совете

Февральская революция в Кронштадте, сопровождавшаяся массовыми бессудными убийствами чинов полиции, флотских и жандармских офицеров, поставила Гуйтова перед сложным экзистенциальным выбором. Бежать с острова Котлин было крайне затруднительно. Для выезда был необходим пропуск, который теперь можно было получить только у новых революционных властей. Угроза разоблачения как секретного сотрудника ставила под вопрос само физическое существование. Была еще одна угроза: выжившие сотрудники сыска и контрразведки, выторговывая жизнь и свободу, могли легко сдать свою агентуру. Гуйтов принимает решение пойти на риск, следуя известной максиме неустановленного авторства: «не можешь победить — возглавь».

Однако в городе творится двоевластие: с одной стороны действует Кронштадтский комитет движения, а с другой — Совет военных депутатов. Гуйтов решает войти в оба органа. Уже в дни революции он вошел в комитет движения, а 2 марта стал делегатом от комитета движения, артиллерийского склада и нестроевой роты в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов⁵⁸. Параллельно он избирается от солдат крепостного артиллерийского склада в состав Кронштадтского совета депутатов. Согласно мемуарам большевика Ф.Н. фон Дингельштедта, А.И. Гуйтов вошел в высшее руководство города — Совет десяти⁵⁹.

8 марта на заседании Кронштадтского совета под председательством эсера И.А. Красовского ставится вопрос об избрании членов первого постоянно действующего органа революционной власти — исполнительного комитета. В первый состав было избрано 36 человек: от флота, артиллерии, пехоты, учреждений и управлений. Среди пяти артиллерийских представителей был избран и Гуйтов. Так он обрел реальную власть в городе⁶⁰. Одним из самых актуальных вопросов тех дней были содержание и судьба арестованных офицеров. Руководство Совета было настроено прекратить бессудные расправы и отнестись к побежденным гуманно, предав законному суду. Уже 9 марта на заседании исполкома было принято решение: отделить политических преступников (в их число входили жандармы и полицейские) от простых аре-

⁵⁸ Там же. Л. 57.

⁵⁹ Дингельштедт Ф.Н. Весна пролетарской революции. Из впечатлений агитатора о марте 1917 года // Красная новь. 1925. № 1(12). С. 197–198.

⁶⁰ Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1: Март — июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 28.

стованных офицеров и применить к ним суровый режим содержания, а прочим разрешить свидания с родственниками и передачу продуктов питания. Правда, собственное постельное белье никому иметь не полагалось. Главное решение этого дня заключалось в изоляции политических арестованных и передаче их в руки специальной комиссии для выяснения степени виновности. В нее вошли члены Исполкома А.К. Баранов, А.И. Гуйтов, М. Дергачев, Г.И. Иванов, В.Ф. Панкратов, И.Д. Сладков. В помощь им были направлены врачи и юристы⁶¹.

Добившись вхождения в состав спецкомиссии, Гуйтову теперь требовалось перехватить в ней инициативу. Для этого он находит союзника в виде члена Кронштадтского комитета РСДРП И.Д. Сладкова. Как ему удалось провести старого большевика и опытного революционера, остается неизвестным. На следующий день 10 марта в 12.30 на заседании исполкома Гуйтов делает доклад о содержании арестованных офицеров, а уже в 15 часов он повторяет его в расширенном виде на заседании Кронштадтского совета, отмечая, что объехал все три тюрьмы и заметил чрезвычайное переполнение их арестованными офицерами, полное отсутствие комфорта и необходимых вещей. Сладков поддерживает доклад. Совет утверждает инструкцию обращения с арестованными, разработанную Гуйтовым и требующую отделить политических преступников от прочих офицеров и ни в коем случае не допускать матросов и солдат к арестованным. Степень политической вины должна определять спецкомиссия⁶².

В тот же день революционный комендант города Корачков выдает Гуйтову удостоверение на право свободного прохода во все тюрьмы и арестные помещения для осмотра и опроса арестованных лиц в любое время дня и ночи⁶³. Круг замкнулся: агент получил эксклюзивный контроль над своими бывшими кураторами по сыску и от него теперь зависят их жизнь, содержание под стражей и внешние контакты. Следующая задача состояла в том, чтобы выпустить на свободу тех, кто может дать на него показания, и не допустить изучения архива жандармского управления, где содержится компромат на самого Гуйтова.

Интересно, что комендант Корачков выдал Гуйтову еще одно удостоверение — на право проезда через Петроградские ворота в Ораниенбаум во исполнение поручений комитета движения. Это фактически

⁶¹ Там же. С. 35–36.

⁶² Там же. С. 36–37.

⁶³ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 63.

открытый путь к бегству. Но Александр Иванович в Кронштадт вернулся. Вне зависимости от мотивов возвращения это говорит о его определенной смелости.

Во второй половине марта с подачи Гуйтова были освобождены почти все его кураторы, среди которых были начальник Особого отдела Штаба флота Балтийского моря жандармский подполковник Владимиров и начальник Кронштадтского жандармского управления генерал-майор Тржецяк⁶⁴. С одной стороны, бывший агент прикрывал себя, так как в тюрьме жандармские офицеры рано или поздно могли начать давать показания против него, а с другой — этот поступок можно расценивать как его благодарность за спасение от раскрытия и от гибели на фронте в 1915–1916 гг.

Нам известны подробности освобождения Владимирова, изложенные им в воспоминаниях, написанных уже в эмиграции в 1950-е гг.: *«В гражданской тюрьме я просидел до 18-го марта без особых неприятностей. Никто меня не беспокоил, и никто не приходил меня допрашивать. Между тем, мои прежние осведомители и сотрудники, оказавшиеся на свободе, работали в мою пользу и благодаря одному из них, которого я не называю, я был освобожден и тотчас же уехал в Петербург. В прежнее время я его выручил из тяжелого положения, в которое он случайно попал, и он этого не забыл. Оказавшись знакомым с членами Революционного комитета, он получил ордер на мое освобождение и приехал в тюрьму на автомобиле и привез на квартиру. Я его, конечно, поблагодарил от души и посоветовал ему только тоже, как можно скорее, убираться из Кронштадта, так как положение очень непрочное и его могут затянуть и разоблачить в связи со знакомством со мной. Этим советом он и воспользовался»*⁶⁵.

Как мы увидим, тут Владимиров ошибся: воспользоваться советом Гуйтов планировал, но не успел. Возможно, бегство откладывалось по соображениям личного характера. В его следственном деле хранятся письма от неизвестной молодой женщины Марии, то ли близкой родственницы, то ли возлюбленной, жаловавшейся на преследования ее бывшего мужа. 26 марта 1917 г. Гуйтов получил билет на увольнение в отпуск для свидания с родственниками в Одессе сроком до 26 апреля⁶⁶. Идеальная

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 268. Л. 18.

⁶⁵ Владимиров В.В. Февральская революция в Кронштадте // Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. "Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte". P. 30.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 77.

возможность для побега. Однако по неизвестной причине по окончании отпуска он вернулся в Кронштадт.

Арест

Оставаться в Кронштадте было крайне рискованным для Гуйтова. Многие знали его как Зиновьева и подозревали в сотрудничестве с полицией. При встрече его называли Зиновьевым, но он не откликался на эту фамилию. Рабочий-электрик Н.М. Шимаров, проживавший вместе с Гуйтовым, предпринял значительные усилия для разоблачения бывшего соседа, которому не доверял и ранее. Опустили Зиновьева также рабочий-большевик А.К. Самоуков и некто Федор Смирнов. Разоблачение Гуйтова как секретного сотрудника подробно описано историком Кронштадтского совета П.Н. Гордеевым, и в данной статье мы не будем уделять ему особого внимания⁶⁷.

Гуйтов был арестован 16 апреля 1917 г. прямо в помещении Кронштадтского совета, после чего помещен в Морскую следственную тюрьму. Допросы и следствие вел товарищ председателя Совета Ф.Н. Покровский. Вскоре была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия при Кронштадтском совете, как временный орган власти для расследования персонально дела Гуйтова. Однако уже в заседании Совета от 26 апреля было решено продлить ее деятельность. Депутат от солдат I Кронштадтского крепостного артиллерийского полка меньшевик Г.И. Иванов прямо констатировал: *«открывается целая махина темных дел»*⁶⁸. Желая найти доказательства работы Гуйтова на сыск, члены комиссии подняли наконец-то документы жандармского управления, и в городе началась охота на бывших осведомителей. Уже к 8 мая были арестованы подозревавшиеся в доносах бывший фельдфебель Свеаборгской роты Черников, матрос Алексей Богданов, секретный сотрудник Александр Васильевич Бойцов (кличка «Батумский»), рабочие Свеаборгского порта Тарасов (кличка «Свечин»), Кахановский (кличка «Писный»), Калинин (кличка «Рабочий»), матрос транспорта «Русь» Николай Борисов, а также работавшие секретными сотрудниками в Выборге две женщины Мария Новикова (кличка «Среда») и Елена Мартин (кличка «Кольцов»)⁶⁹.

⁶⁷ Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 95–97.

⁶⁸ Кронштадтский совет в 1917 году. С. 218.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 80.

В ГА РФ хранится следственное дело А.И. Гуйтова. Официальные протоколы допросов, увы, не всегда дают нам возможность нарисовать психологический портрет человека, хотя и содержат его прямую речь. Дело в том, что следователь, как правило, вставляет в протокол лишь информацию, имеющую фактическую ценность для обвинения, сокращает текст, опускает не представляющую интерес для следствия информацию. На первых двух допросах он все отрицал, полагая, что все, кто мог дать против него показания, находились вне зоны доступа следователя. Но когда были подняты документы Кронштадтского жандармского управления, отпираться стало бессмысленно. 25 июня 1917 г. Гуйтов дал очень краткое письменное признание в том, что работал в различных охранных отделениях и жандармских управлениях в Петрограде, Баку, Тифлисе и Кронштадте секретным сотрудником под кличками «Кириллов» и «Каменский»⁷⁰. Дальнейшие попытки расколоть его на подробные показания провалились.

Дело Гуйтова интересно тем, что в нем сохранился карандашный набросок беседы Александра Ивановича со следователем, произошедшей уже после его признания. Беседа велась не в строгой атмосфере, что можно понять по таким комментариям автора текста, как «закуривает». Гуйтов держал себя довольно вызывающе для своего положения разоблаченного информатора, не стеснясь и не оправдываясь. Возможно, такова была его тактика — обескуражить следователя, а может быть, не ожидая для себя хорошего исхода, он начал «рубить правду-матку». Он совершенно не раскаивался в своей работе на политический сыск: *«Безразлично, как на меня смотрят...», «Реабилитировать себя я и не думаю...», «Я знал, что меня арестуют. С моей фамилией бумага написана в охранке. Мы хотим освободить невиновных людей! Я служил самодержавному строю оком, теперь его нет. И новый строй должен быть против меня. Вы меня забрали за провокаторство, а теперь провокаторы занимают может быть более видные места. Пускай их с Богом служат»*⁷¹.

На требования следователя сдать других сотрудников, работавших на политический сыск, Гуйтов ответил решительным отказом: *«Я — старый агент охранного отделения. Я больше с хорошей стороны смотрю на людей. У вас сведения личных счетов. Все теперь изменилось, нет людей на стороне старого. Я не обвиняю лично вас в личных*

⁷⁰ Там же. Л. 5.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 47, 48, 51.

счетах. Вы понимаете, это будет нечестно с моей стороны: выдавать старых товарищей. Скорее пулю в лоб пуцу». При этом о самих офицерах Кронштадтского жандармского управления он высказывался уважительно: «Все они люди честные», «Разработал меня полковник Владимиров. Он дал лестную характеристику. Я принес пользу в Кронштадте»⁷².

При этом в своих методах работы Гуйтов постулирует некоторые принципы осведомительного пуризма: не провоцировать, выдавать охранке только активных революционеров. «Если я был только агент охранного отделения — тогда меня судить не будут, а если я вошел в организацию с целью предать, тогда другое. Наше (охранное. — Прим. В.Х.-Г.) дело — способ освободить всех невиновных», «Они втянуты были. А эти все они беспартийные, ничего не знали. [Когда] людей берут беспартийных — печально на них смотреть. Не интересно держать человека, который ничего не стоит», «Я виделся с Тепловым в Лондоне, а не один адрес не взял от него», «Самое страшное я уже испытал — кличку провокатор»⁷³.

Гуйтов откровенно высказывает сомнения в революционной законности и в том, что новый режим будет соответствовать социалистическим идеалам. «Мы выпускаем грабителей, но провокаторов будем держать», «Когда после приговора увижу правовой строй? Тогда опубликуйте все документы», «Ну до социализма — еще далеко. Вопрос только политический»⁷⁴.

Однако вопрос осуждения и наказания Гуйтова неожиданным образом отсрочился. Для этого были основания. Историк Л.В. Лукьянчикова, изучавшая работу Чрезвычайно-следственной комиссии Кронштадтской крепости, отмечает, что комиссия была подчинена непосредственно исполкому Совета и имела в своих полномочиях определять степень виновности арестованных за политические преступления, совершенные при старом режиме. Невиновных комиссия освобождала, а виновных оставляла в тюрьме до созыва Учредительного собрания, которое должно было, по мнению кронштадтских революционеров, решить судьбу прислужников царизма. Дела о секретных сотрудниках сыска — о предателях из числа революционной среды — передавались в Общественный демократический суд, подчиненный как Кронштадтскому совету,

⁷² Там же. Л. 47, 49, 50.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 47, 51.

так и одновременно его исполкому. Полномочия этого суда были также весьма ограниченными. В зависимости от степени вины и ее доказанности суд мог освободить бывшего осведомителя под надзор общественности без права покидать Кронштадт; освободить с опубликованием его в списках виновных с указанием степени вины и уведомлением революционных властей по месту его жительства; освободить с лишением избирательного права и, наконец, если бывший провокатор считался опасным — оставить в тюрьме вплоть до выработки отдельного закона о провокаторах. Принцип революционного правосудия прекрасно изложил председатель ЧСК в речи, посвященной осуждению осведомителя на миноносце «Гавриил» под кличкой «Синичкина» (А.М. Анкудинов): *«Мы можем определять виновен обвиняемый или не виновен, в первом случае — освободить, во втором — 5 пунктов меры пресечения. Старые законы отвергнуты, новые создать не можем. Что наша честь и совесть присудит»*⁷⁵.

Сложность заключалась в том, что по прошествии нескольких месяцев после Февральской революции волна революционного террора и оправдываемых «народным гневом» бессудных расправ спала, а нормативно-правовая база для осуждения бывших осведомителей еще не была наработана. Судить же по дореволюционному законодательству было затруднительно, ибо, как правило, агентурная работа полиции осуществлялась в рамках законов. Приходилось судить либо «по совести», либо никак. ЧСК Кронштадтской крепости собралась на свое первое заседание 14 октября 1917 г. Различные партии делегировали на него своих представителей для расследования деятельности провокаторов. Большевиков представлял освобожденный из царской тюрьмы матрос член Кронштадтского комитета РСДРП(б) Т.И. Ульянов (Отраднев), меньшевиков-интернационалистов, как ни странно, бывшая эсерка, участница революции 1905 г. — Ю.М. Зубелевич («Даша Кронштадтская»), эсеров-максималистов — некто Мартинсон, исполком Совета — Полигошко, Крестьянский союз — Кузнецов, профсоюз — Телласт, городское самоуправление — Попов, следственную комиссию исполкома — некто Семенов. Возможно, речь идет о члене Центробалта III и IV созывов, матросе эскадренного миноносца «Охотник» Василии Павловиче Се-

⁷⁵ Лукьянчикова Л.В. Следствие и суд по политическим делам в России в 1917 г. (по материалам ЧСК Кронштадтской крепости) // Лубянские чтения — 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности: Сб. материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 2 декабря 2022 г. / Войсковая часть 33965. М., 2023. С. 46–48, 50.

Февральская революция в Кронштадте.
Российский государственный архив Военно-морского флота

менове. После Октябрьского переворота работа ЧСК была немного парализована: демократическая часть ушла в оппозицию, в то время как большевик Ульяновцев принял активное участие в свержении Временного правительства⁷⁶.

В ноябре ЧСК передала следственные дела в Общественный демократический суд Кронштадтской крепости. Большинство секретных сотрудников были отпущены, так как суд пришел к выводу, «что виновные занимались в сыске не из вражды к освободительному движению, а вследствие своей политической неосознанности под влиянием нужды или страха перед жандармскими властями», а дело Анкудинова отправлено на пересмотр⁷⁷. Однако для троих бывших секретных сотрудников было сделано исключение. Они были оставлены в тюрьме, так как команды матросов угрожали устроить над ними самосуд. Возможно, их посчитали сотрудниками «идейными». Если вспомнить выше цитированные показания Гуйтова, к этому выводу прийти было несложно.

Решение Общественного демократического суда по делу Гуйтова было вынесено только 2 декабря 1917 г. Обвинение в провокаторстве, т.е. создании революционных организаций с целью их раскрытия и аре-

⁷⁶ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 240, 241, 316.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.

ста, было с него снято. В то же время обвинение в осведомительстве, т.е. написании доносов, было признано доказанным. Однако суд не вынес вердикта, оставив его в тюрьме «до издания законов, определяющих участь осведомителей»⁷⁸. В конце декабря Общественный демократический суд Кронштадта был распущен на основании Декрета о суде от 22 ноября 1917 г., распустившего все существовавшие судебные органы и следственные комиссии⁷⁹.

Новая перемена власти стала спасительной для многих сотрудников царского политического сыска, особенно в регионах. Воспользовавшись переустройством судебной системы, в январе 1918 г. многие из них смогли выйти на свободу и скрыться от только нарождавшейся карательной машины большевиков⁸⁰.

В Вооруженных силах Юга России

После суда Гуйтов неожиданно исчезает из источников. Казалось бы, в биографии осведомителя можно было бы поставить многозначительное многоточие. Туман Гражданской войны помог многим секретным сотрудникам и даже чинам полиции и жандармерии покинуть страну. Для оставшихся в России было всего две возможные жизненные стратегии: найти работу не по профессии либо поддержать одну из противоборствующих сторон, применив свой опыт и знания. Поступление бывших жандармов или полицейских на службу к красным в основном было стратегией выживания, переход к антибольшевистским силам совершался как по идеалистическим соображениям, так и по рациональным: сыскное и контрразведывательное дело было их единственной профессией, а служба в белых армиях просто работой.

Однако это касалось, как правило, офицерских и классных чинов, но никак не осведомителей. Гуйтов стал исключением из этого правила. Он перешел на службу белым, хотя не имел специальной розыскной подготовки, а отношение к осведомителям в офицерской среде всегда

⁷⁸ Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 98.

⁷⁹ Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/o_sude1.htm

⁸⁰ Мистрюгов П.А. Государственная политика Временного правительства и советской власти по отношению к бывшим служащим общей и политической полиции России в марте 1917 — декабре 1921 г. (по материалам Самарской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 29.

Руководство Кронштадтского совета.
Из открытых источников

было негативным. И снова ирония судьбы. Его непосредственный куратор в кронштадтской жандармерии подполковник Владимиров по соображениям выживания 3 августа 1918 г. поступил на службу в Красную армию. Интересно, что он не был мобилизован как военспец, так как ранее 13 января 1918 г. был вовсе освобожден от военной службы по состоянию здоровья, а поступил на службу добровольно⁸¹. 13 августа 1919 г. Владимиров был назначен командиром дислоцированного в Смоленской губернии вновь сформированного 1-го запасного стрелкового полка, став единственным известным историкам жандармским офицером, во время Гражданской войны командовавшим целым полком РККА⁸².

Как Гуйтов оказался на Юге России, пока сказать сложно. Вероятно, он мог поехать к вышеупомянутым родственникам в Одессе и там уже стать свидетелем Гражданской войны. Не будем гадать. Так или иначе, в августе 1919 г. части Добровольческой армии занимают Киев и вскоре создается Разведывательное отделение (РО) управления генерал-квартирмейстера штаба войск Киевской области. Его возглавил окончивший Николаевскую академию Генерального штаба полковник Владимир Михайлович Мельницкий, в годы мировой войны занимавшийся вопроса-

⁸¹ Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. Documents. Учетно-воинский билет.

⁸² РГВА. Ф. 37976. Оп. 2. Д. 9–280. Л. 2–4.

ми контрразведки в отделе генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Перед РО кроме прочего были поставлены следующие задачи: ведение учета банд противника на внутреннем фронте, организация широкой агентурной разведки всеми видами и обработка добытых данных, обработка сведений о тыле противника, издание периодических схем тыла, составление пятидневных радиосводок, составление еженедельных сводок о группировке противника со схемами, составление ежедневных сводок на основе сведений, получаемых от штабов дивизий, сбор агитационной литературы противника. На решение этих задач на период с сентября по декабрь 1919 г. было ассигновано 800 тыс. руб. из штаба Главкома ВСЮР, однако деньги эти не поступили. Средства нашел генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, но в значительно меньшем объеме: 200 тыс. руб. денежными знаками деникинского правительства и 100 тыс. — советскими рублями⁸³. Последние были необходимы для оплаты работы агентуры в советском тылу. В октябре РО получило советские паспорта, удостоверения, печати и штампы, захваченные частями 7-й пехотной дивизии ВСЮР⁸⁴. Оставалась наиболее острая проблема — кадровая.

Обычно процесс назначения сотрудников сыскных органов плохо задокументирован. Историкам приходится обходиться приказом о назначении. В данном случае в нашем распоряжении есть уникальный документ — карандашная запись телефонного разговора между начальником РО штаба Добровольческой армии полковником Генрихом Ивановичем Шлидтом и начальником РО Киевской области полковником Мельницким от 15 октября 1919 г. Прямая речь Шлидта: «Я сегодня высылаю к Вам одного человека, который работает в Вашем районе. Ему дал бумагу на Ваше имя. Он организовал связь с петлюровским районом, также со штабом 12 советской армии. Подробности он Вам доложит лично. Вполне заслуживает доверия. Денег жалеть нельзя, ибо будет поздно. Примите его на службу. Если находите это нежелательно, то ознакомившись с его докладом, пришлите его обратно. Он работает все время там в Киевском районе, давал отличные сведения и дело наладил отлично. Дня через три будет у Вас»⁸⁵. Фамилия Гуйтов в разговоре по конспиративным соображениям, естественно, не звучала, но из отчетов Мельницкого о работе его разведки ясно, о ком шла речь. Нам пока не

⁸³ РГВА. Ф. 39666. Оп. 1. Д. 46. Л. 165–166.

⁸⁴ Там же. Л. 17.

⁸⁵ Там же. Л. 30 об. — 33 об.

Шоколад «Жандарм».

Товарищество А.И. Абрикосова сыновей. Российская государственная библиотека

удалось выяснить, с какого момента Гуйтов служил в РО Добровольческой армии, но известно, что Шлидт работал в отделе генерал-квартирмейстера армии со 2 декабря 1918 г.

Гуйтов был принят на службу на должность начальника разведывательного пункта № 2 РО штаба войск Киевской области. Дата назначения нам неизвестна, но произошло это не позднее 24 октября, так как этим днем Мельницкий подписал Гуйтову удостоверение на право изготовления печати, удостоверяющей его должность⁸⁶. Попробуем разобраться в том, каковы были условия работы Гуйтова и какие стояли перед ним задачи.

Осенью — зимой 1919 г., в момент наступления на Москву, а после его провала во время попыток удержать фронт и избежать военной катастрофы, одну из основных проблем ВСЮР представляли собой действовавшие в тылу бандитские шайки, на борьбу с которыми белые были вынуждены отвлекать значительные воинские силы своей и так небольшой армии. По данным разведывательного отделения, только в одной Киевской области активно действовало 28 банд общей численностью до 15 тыс. человек, которые терроризировали 14 уездов (притом, что в самой Киевской области силы белых насчитывали около 9–10 тысяч

⁸⁶ Там же. Л. 59.

человек). Самые крупные банды атаманов Петенко и Зеленого действовали в Каневском уезде и имели на своем вооружении от четырех до шести артиллерийских орудий⁸⁷. В докладе, озаглавленном «Повстанческое движение на территории Малороссии» полковник Мельницкий утверждал, что регион превратился в «сплошное поле бандитизма», в каждом уезде действует по несколько банд, объединяющих людей различного социального происхождения от крестьян до бывших офицеров. С политической точки зрения банды он делил на три типа: безыдейные (чисто уголовной направленности), украинские националистические и большевистские.

Некоторые банды состояли из остатков разбитых формирований петлюровской или Красной армий, как, например, банда Петенко из остатков Одесской группы красных. Такие банды находились в тесной связи с Петлюрой или с Москвой, получая оттуда деньги и оперативные задания. Начав с небольших отрядов в 15–20 человек при режиме гетмана П.П. Скоропадского, они быстро разрослись, так как *«повстанческий бандитизм стал очень выгодным и безопасным ремеслом, дающим возможность быстро и верно разбогатеть»*⁸⁸. Некоторые бандиты формировали собственные полноценные армии. Так, подчинявшийся УНР атаман Зеленко даже в тылу белых в Киевском, Белоцерковском и Васильевском уездах объявил мобилизацию солдат 1913–1919 гг. призыва, офицеров, врачей и фельдшеров.

Для эффективного противостояния партизанскому бандитизму ВСЮР необходимо было точно знать места дислокации банд, их численность, военные планы и другие сведения. Работа по сбору данных легла на Разведывательное отделение Киевской области, имевшее три разведывательных пункта № 1 в Киеве, № 2 в Черкассах и № 3 в Тирасполе. Киевский разведпункт № 1 возглавлял капитан Павловский, по отзыву начальника РО *«очень дельный офицер, хорошо разбирающийся в поставленных ему по разведке задачах и сумевший в короткий срок набрать хороших агентов»*⁸⁹. На него был возложен шпионаж за 12-й советской армией, при штабе которой он имел своих резидентов, а также за Киевским уездом. Он имел своих агентов в Коростене и пригородных селениях. Павловский в декабре 1919 г. предложил план создания собственного антисоветского повстанческого движения из украинцев

⁸⁷ Там же. Д. 43. Л. 142.

⁸⁸ Там же. Л. 164.

⁸⁹ Там же. Д. 46. Л. 166.

на занимаемых Красной армией территориях. Однако из-за недостатка средств и наступавшего организационного коллапса ВСЮР проект этот реализован не был. Тираспольский разведпункт № 3 во главе с ротмистром Бедржицким занимался политической и военной разведкой в Бессарабии и Румынии и естественным образом к борьбе с бандитизмом привлечен не был.

Основная нагрузка легла на разведывательный пункт № 2, располагавшийся в городе Черкассы на Николаевской улице, 34. Во главе пункта был поставлен А.И. Гуйтов. В отчетном докладе о работе Киевского разведывательного отделения полковник Мельницкий так описал его работу: *«Главной задачей этого пункта была разведка Петлюровской армии, как военная, так и политическая. Помимо этого, с появлением у нас в тылу банд, пункту была поручена разведка банд. Начальником пункта Гуйтовым путем агентуры была установлена тесная связь банд с Петлюровским штабом. В штаб Петлюры им был послан ряд агентов, которые установили всю организацию и руководителей повстанческого движения»*⁹⁰.

В РГВА отложились некоторые донесения Гуйтова Мельницкому о работе бандитского подполья на территории Киевской области, датированные 13, 23, 28, 29 и 30 ноября 1919 г., которые дают возможность оценить характер и результаты его работы⁹¹. Большинство дошедших до наших дней донесений А.И. Гуйтова посвящено деятельности банд атаманов Зеленого (Д.И. Терпило), А.Н. Вышкварки (Высковорки), А.А. Гулий-Гуленко, В. Еременко, П.Д. Калиберды (Келеберды), С.Д. Коцуры, Г.Н. Рябоконя, В.С. Чучупака. Некоторые рапорты составлены по тематическим пунктам. Про каждую банду Гуйтов приводил следующие сведения: 1) кто стоит во главе, 2) его биография и личные характеристики, 3) численность, социальный состав, источники и способы пополнения банды, 4) дислокация банды: штаб, основные занятые деревни, склады с оружием, 5) материальная часть (обеспечение продовольствием, наличие денежных средств, количество оружия и боеприпасов), 6) шпионаж (методы и характер разведывательной работы бандитов), 7) наличие в банде перебежчиков из ВСЮР к большевикам или петлюровцам, 8) политические настроения в банде, 9) связь и отношения с другими бандами, 10) транспортные средства и связь⁹². Александр Иванович вне-

⁹⁰ Там же. Л. 166 об.

⁹¹ Там же. Д. 43. Л. 123, 129, 173–176 об., 185–190.

⁹² Там же. Л. 185–189 об.

дрял своих агентов в состав банд, направлял их для наблюдения в занятые бандитами населенные пункты, а также имел своих сотрудников в украинских финансовых и общественных организациях, при штабе Петлюры. Гуйтову удалось доказать финансирование ряда банд через подставных лиц «Украинбанком» и объединением кооперативов «Днепросоюз».

Читая донесения и рапорты Гуйтова, обращает на себя внимание их стилистика. Сообщения чинов разведки, не имевших до революции опыта розыскной работы и состоявших простыми армейскими офицерами, часто изобилуют пространными рассуждениями и не подтвержденными фактами личными умозаключениями. Тексты Гуйтова же написаны лаконично, четко, изобилуют конкретными сведениями, обладают жесткой структурой подачи материала. Сразу чувствуется агентурная школа царского политического сыска.

На основе собранного и структурированного им материала руководство составляло аналитические отчеты о состоянии «внутреннего фронта», направлявшиеся командующему войсками области, генерал-квартирмейстеру, начальнику тыла. На их основе планировались и осуществлялись карательные экспедиции, организацией которых занимался начальник штаба тыла полковник С.И. Храпко и которые активизировал занявший 24 ноября должность начальника тыла генерал-лейтенант Г.П. Розалион-Сошальский⁹³.

В своем докладе по РО от 19 декабря полковник Мельницкий отмечал оперативность работы Гуйтова, создание им в кратчайшие сроки широкой агентурной сети, а также, что из всех сведений, поступавших в РО, *«данные, наиболее ценные, получались из разведыв. пункта № 2, работавшего специально по части повстанческого движения»*⁹⁴. Всех главарей бандитов не удалось обезвредить из-за оставления белыми Киевской области. Сам разведпункт переехал в город Новомиргород Елизаветградского уезда Херсонской губернии. Мельницкий ходатайствовал начальству о сохранении Гуйтова и его разведпункта для освещения взаимоотношений Петлюры с большевиками и поляками. Более документов, освещающих дальнейшую судьбу Гуйтова, обнаружить нам не удалось. Возможно, связь с Мельницким прекратилась, так как разведпункт № 2 был эвакуирован западнее Днепра и должен был отступать вместе с белыми к Одессе, а чины основного

⁹³ Там же. Д. 50. Л. 1–20.

⁹⁴ Там же. Д. 46. Л. 156 об.

Начальник тыла Киевской области ВСЮР генерал-лейтенант
Георгий Петрович Розалион-Сошальский в эмиграции.
Из открытых источников

разведывательного отделения были эвакуированы из Киева в Ростов и Екатеринодар⁹⁵.

Нам не удалось выяснить, что стало с Александром Гуйтовым после разгрома белых. Отвернулась ли от него удача и он сгинул при отступлении белых в 1919 г.? Остался ли в Советской России, вновь сменив личность и документы? Смог ли он бежать за границу? На эти вопросы пока нет ответов.

История Гуйтова является не только любопытным «кейсом» для научного исследования, но и позволяет сделать некоторые обобщающие выводы. Мы видим, что подходы к ведению агентурной работы во многих розыскных структурах не только сильно отличались друг от друга, но и противоречили официальным инструкциям, требовавшим бережно относиться к осведомителям. Все провалы Гуйтова стали следствием не его собственной неаккуратности, а именно неграмотных действий его кураторов либо самого Департамента полиции. Выяснилось, что кроме обыкновенного шантажа при вербовке охранка применяла гораздо более изощренные методы, такие как объявления в розыск по сфальсифицированным уголовным делам. Мы видим, что вопреки инструкциям ценные сотрудники принимались обратно на службу после провала, но под другими кличками и документами. Пройдя «школу жизни», секретный

⁹⁵ Там же. А. 108.

сотрудник при умелом кураторстве мог освоить само агентурное дело достаточно профессионально, чтобы возглавить целое разведывательное учреждение и добиться значительных результатов. История Гуйтова рельефно отображает значение личностного фактора в розыском деле.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. *Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917* / Сост.: Е.И. Щербакова. М.; СПб.: АИРОХХІ; Дмитрий Булаин, 2006. 384 с.
The undercover work of the political police of the Russian Empire. Collection of documents. 1880–1917 / Compil. by E.I. Shcherbakova. Moscow; St. Petersburg: AIROXXI; Dmitry Bulanin, 2006. 384 p. (in Russ.).
2. Владимиров В.В. Февральская революция в Кронштадте, в: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. *Vladimir Vladimirovich Vladimirov papers. «Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte»*. Р. 30.
Vladimirov V.V. February Revolution in Kronshtadte, in: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. *Vladimir Vladimirovich Vladimirov. «Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte»*. Р. 30 (in Russ.).
3. *Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг.* М.: Партийное издво, 1933. 340 с.
Military uprisings in the Baltic in 1905–06. Moscow: Party publishing house, 1933. 340 p. (in Russ.).
4. Герасимов А.В. *На лезвии с террористами*. Париж: YMCA PRESS, 1985. 212 с.
Gerasimov A.V. *On the edge with terrorists*. Paris: YMCA PRESS, 1985. 212 p. (in Russ.).
5. Гордеев П.Н. *Кронштадт и кронштадтцы в 1917 году*. СПб.: Издво Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. 464 с.

- Gordeev P.N. *Kronstadt and «kronstadtzy» in 1917*. St. Petersburg: EUSP Press, 2024. 464 p. (in Russ.).
6. Гребенкин А.Н. Деятельность Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения по обеспечению безопасности лиц, временно подлежащих охране, в: *Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов*. Вып. 32. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. С. 33–37.
Greibenkin A.N. The activities of the Security team of the St. Petersburg Security Department to ensure the safety of persons temporarily subject to protection, in: *Socio-Humanitarian Bulletin. AllRussian Collection of Scientific Papers*. Iss. 32. Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2023. P. 33–37 (in Russ.).
 7. Дингельштедт Ф.Н. Весна пролетарской революции. Из впечатлений агитатора о марте 1917 года. *Красная новь*. 192;12(1):192–215.
Dingelstedt F.N. The spring of the Proletarian Revolution. From the agitator's impressions of March 1917. *Krasnaya Nov'*. 1925;12(1):192–215.
 8. Кирмель Н.С. *Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг.*: Монография. М.: Кучково поле, 2008. 512 с.
Kirmel N.S. *White Guard special services in the Civil War. 1918–1922*: Monograph. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 512 p. (in Russ.).
 9. *Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления*. Т. 1: Март–июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 560 с.
The Kronstadt Soviet in 1917. Protocols and resolutions. Vol. 1: March–June 1917. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 560 p. (in Russ.).
 10. Лукьянчикова Л.В. Следствие и суд по политическим делам в России в 1917 г. (по материалам ЧСК Кронштадтской крепости), в: *Лубянские чтения — 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности: Сб. материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке»* (Москва, 2 декабря 2022 г.). М., 2023. С. 44–53.
Lukyanchikova L.V. Investigation and trial of political cases in Russia in 1917 (based on the materials of the ChSK Kronstadt Fortress), in: *Lubyanka Readings — 2022. Actual problems of the history of domestic security agencies: Collection of materials of the XXVI scientific and theoretical conference «Historical readings at the Lubyanka»*. Moscow, December 2, 2022. Moscow, 2023. P. 44–53 (in Russ.).
 11. Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов, в: *«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений* (в 2 т.). Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и комм.: З.И. Перегудова. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2004. С. 29–410.

- Martynov A.P. My service in a Separate Corps of Gendarmes in: *Okhrana: Memoirs of heads of security departments* (in 2 vols.). Vol. 1 / Introd. art., text prep. and comm. by Z.I. Peregudova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2004. P. 29–410 (in Russ.).
12. Мистрюгов П.А. Государственная политика Временного правительства и советской власти по отношению к бывшим служащим общей и политической полиции России в марте 1917 — декабре 1921 г. (по материалам Самарской губернии). *Genesis: исторические исследования*. 2018;(10):14–31.
Mistryugov P.A. The state policy of the Provisional Government and the Soviet government in relation to former employees of the general and political police of Russia in March 1917 — December 1921 (based on the materials of the Samara province). *Genesis: Historical Researches*. 2018;(10):14–31 (in Russ.).
 13. Никитин Е.Н. *Какие они разные... Корней, Николай и Лидия Чуковские*. Н. Новгород: Деком, 2014. 343 с.
Nikitin Ye.N. *How different they are... Korney, Nikolay, and Lidia Chukovskie*. Nizhny Novgorod: Dekom, 2014. 343 p. (in Russ.).
 14. Пахоменкова М.М. «Из писем родственников». *Эпистолярное творчество Меншикова М.О.* URL: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf> (Дата обращения: 05.03.2026).
Pakhomenkova M.M. «From the letters of relatives». М.О. *Menshikov's epistolary works*. URL: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf> (Accessed: 05.03.2026).
 15. Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников, в: «Охранка»: *Воспоминания руководителей охранных отделений* (в 2 т.). Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и комм. З.И. Перегудовой. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2004. С. 5–26.
Peregudova, Z.I. Okhrana through the eyes of the guards, in: *Okhrana: Memoirs of heads of security departments* (in 2 vols.). Vol. 1 / Introd. art., text prep. and comm. by Z.I. Peregudova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2004. P. 5–26 (in Russ.).
 16. Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917 гг.)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 432 с.
Peregudova, Z.I. *Political Investigation in Russia (1880–1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 432 p. (in Russ.).
 17. Раскольников Ф.Ф. *Кронштадт и Питер в 1917 году*. 2е изд. М.: Политиздат, 1990. 319 с.

- Raskolnikov F.F. *Kronstadt and St. Petersburg in 1917*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1990. 319 p. (in Russ.).
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Изд. проф. Имп. Училища правоведения Н.С. Таганцевым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
Code of criminal and correctional punishments of 1885 / Ed. by Prof. of the Imperial School of Jurisprudence N.S. Tagantsev. St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich, 1886. 714 p. (in Russ.).
19. Хутарев-Гарнишевский В.В. *Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.*: Сборник воспоминаний и документов. М.: «Историческая память», Родина, 2019. 304 с.
Hutarev-Garnishevsky V.V. *Specters of treason. Russian secret services in the Baltic in the memoirs of lieutenant colonel V.V. Vladimirov, 1910–1917*: Memoirs and documents. Moscow: «Istoricheskaya pamyat'», Rodina, 2019. 304 p. (in Russ.).
20. Чуковский К.И. *Собрание сочинений* (в 15 т.). Т. 11: *Дневник 1901–1921* / Предисл.: В. Каверин; комм.: Е. Чуковская. 2е изд. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 592 с.
Chukovsky K.I. *Collected works* (in 15 vols.). Vol. 11: *Diary 1901–1921* / Introd. by V. Kaverin; comm. by E. Chukovskaya. 2nd ed. Moscow: FTM Agency, Ltd., 2013. 592 p. (in Russ.).

 Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович
Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

кандидат исторических наук, доцент
кафедры общегуманитарных дисциплин
Московского государственного
института культуры,
SPIN-код: 5785-9890,
AuthorID: 964528,
ORCID: 0000-0001-9218-0739

C.Sc. (History), Associate Professor of
the General Humanitarian Disciplines
Department at the Moscow State Institute
of Culture,
SPIN-code: 5785-9890,
AuthorID: 964528,
ORCID: 0000-0001-9218-0739

Поступила в редакцию /
Received
05.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
06.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
06.05.2026